

В. Н. Краснов

*Доктор экономических наук, доцент,
Krasnov.VN@rea.ru*

*Кафедра «Политическая экономия и история экономической науки»,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Москва, Российская Федерация*

Какие измерители культуры имеют значение для функционирования экономики

***Аннотация:** В работе рассматривается трактовка индивидуализма-коллективизма в качестве центральных измерителей культуры, оказывающих наиболее существенное влияние на экономику. Автор обосновывает взгляд, согласно которому индивидуализм и коллективизм не являются однозначными категориями. Они есть форма меняющегося содержания, и отражают более фундаментальные различия в природе человеческого поведения, связанные со склонностью к оппортунизму и нарушением моральных норм.*

***Ключевые слова:** измерители культуры, функционирование экономики, индивидуализм, коллективизм, мораль, оппортунистическое поведение.*

V. N. Krasnov

*Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof.,
Krasnov.VN@rea.ru*

*«Political economy and history of economic science» chair,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation*

What measures of culture are important for the functioning of the economy

***Annotation:** The paper examines the interpretation of individualism-collectivism as the key culture dimensions, which have the most significant impact on the economy. The author explains the view, according to which individualism and collectivism are not monosemantic categories. They represent a form of changing content, and reflect the fundamental differences in the nature of human behavior. The latter are connected with the inclination for opportunism and deviation of moral norms.*

***Keywords:** culture dimensions, economic performance, individualism, collectivism, morality, opportunistic behaviour.*

В последнее время наблюдается тенденция к включению культуры и духовных ценностей в экономический анализ. Культура, концептуа-

лизируется как самостоятельный фактор, оказывающий влияние на функционирование и развитие экономики.

Однако, возникает ключевой вопрос: какие именно аспекты национальной культуры существенны для инновационного развития и экономического роста, а также какова их степень влияния.

Для определения национальных культурных особенностей проводятся опросы отдельных членов общества относительно их собственных индивидуальных ценностей или взглядов. Затем рассчитываются средние оценки, которые считаются (агрегированными) показателями национальной культуры страны¹.

Существует несколько подходов к определению показателей национальной культуры. Наиболее распространенные из них – это измерители Г. Хофстеде, Набор ценностей Ш. Шварца и Всемирное исследование ценностей (WVS), разработанное Р. Инглхартом с группой коллег в 2000 г.

Г. Хофстеде предложил четыре аспекта социальной культуры: индивидуализм-коллективизм, дистанция власти, маскулинность-феминность и избегание неопределенности.

Индивидуализм отражает степень индивидуальной свободы, индивидуальные достижения и права. Предполагается, что люди сами определяют себя со своей деятельностью и идентичностью. Индивидуализм противопоставляется коллективизму. И в целом это измерение показывает степень интеграции людей в социальные группы.

Дистанция власти измеряется по шкале более и менее. Низкая дистанция власти свидетельствует о демократическом правительстве, небольшом неравенстве в отношении богатства и применении власти. Высокая дистанция власти существует в коллективистских, авторитарных, диктаторских обществах.

Маскулинность-феминность относится к распределению ценностей между (гендерными группами) мужчинами и женщинами в обществе.

Избегание неопределенности (шкала меньшее-большее избегание). Данная характеристика связана с тем, как в обществе воспринимают и относятся к неопределенности ситуации. Это измерение то же

---

¹ В статье мы будем исходить из такого подхода к определению характеристик национальной культуры. Хотя некоторые экономисты видят в подобном переходе от индивидуального к общественному уровню серьезную проблему. Ее решение они связывают с устранением так называемой экологической ошибкой, когда общественные культуры сравниваются по измерителям, разработанным для индивидуального уровня.

самое, что и избегание риска. Общества с высокой степенью избегания неопределенности стараются уменьшить неопределенность с помощью законов. Низкий уровень избегания неопределенности предполагает тип культуры, который толерантен, терпим к отклонению от норм индивидуального поведения и оценки действий государства как правильных и единственно возможных.

У Ш. Шварца в основе дифференциации измерений культуры лежат следующие полярные измерения: 1) автономность-укорененность; 2) иерархия-равноправие (эгалитарность); 3) гармония-мастерство.

Во Всемирном исследовании ценностей (WVS) Инглхарта фигурируют: 1) показатели личных отношений в семье, обществе, на работе; 2) гендерные роли; 3) показатели демократии, деятельности правительства, здравоохранения, образования; 4) показатели духовности и морали. Наиболее значимыми в WVS выступают показатели общего доверия и морали.

Для многих ученых индивидуализм в системе Хофстеде выступает важнейшим фактором, имеющим тесную положительную связь с экономикой. Отрицательная связь вменяется показателю коллективизма и дистанции власти.

В системе показателей культуры Шварца используются иные измерители. Здесь тесную положительную связь с экономическим ростом имеют автономность, эгалитаризм (равноправие), а такие показатели Шварца как укорененность (принадлежность) и иерархия приобретают отрицательную связь. Этот факт, однако, не противоречит трактовке Хофстеде оппозиции индивидуализм-коллективизм как центральной культурной категории.

Дело в том, что первые два показателя Шварца (автономность и эгалитаризм) очень похожи на индивидуализм Хофстеде, а мастерство, как совершенно правильно отмечают А. Алесина и П. Джулиано, это просто другая мера индивидуализма². Аналогично и укорененность и иерархия — это мера коллективизма.

В сравнительно недавней работе Городниченко Ю. и Роланда Ж. повторяют тезис о главной роли показателя индивидуализма-коллективизма (I-C).

Исследователи базируют свой вывод на анализе корреляционной зависимости между измерителями Хофстеда и Шварца и динамикой ВВП. Они утверждают, что поскольку только индивидуализм оказывает

---

² Алесина А., Джулиано П. Культура и институты. Часть 1 // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 94.

сильное и устойчивое влияние на экономический рост, а другие измерители Хофстеде, как и переменные Шварца и WVS не оказывают существенного влияния на экономику, то именно «измеритель I–С является центральной культурной переменной, имеющей значение для долгосрочного роста»³.

Мы считаем такой вывод исследователей теоретически и эмпирически необоснованным. Критические аргументы, выдвигаемые в литературе относительно центрального положения показателя индивидуализма-коллективизма Хофстеде, дают скорее отрицательный ответ.

Так, Глэзер с группой экономистов в 2006 г. пришли к выводу, что при относительно низком уровне развития экономики именно коллективистские, диктаторские общества, а вовсе не индивидуалистические, способствуют экономическому росту и развитию инноваций⁴.

Исследование Шпайзера доказало, что при условии сравнительно высокого уровня ВВП на душу населения и высоком уровне индивидуальных свобод и демократии индивидуализм вообще не влияет и не поддерживает экономический рост⁵.

А Ойзерман с коллегами, рассмотрев теоретические и эмпирические исследования о роли индивидуализма и коллективизма в развитии общества с конца 1970-х годов, пришли к выводу, что индивидуализм и коллективизм слишком широкие категории, которые допускают различные толкования. С их точки зрения утверждения об индивидуализме как самом важном компоненте культуры, являющемся базовым фактором психологического и, добавим мы, экономического развития и «функционирования, построены на довольно слабом эмпирическом фундаменте»⁶.

Более радикальное предложение М. Бонда, сводящееся к отказу от этих двух слишком широких понятий⁷, следует, на наш взгляд, вос-

---

³ Gorodnichenko Y., Roland G.. Which Dimensions of Culture Matter for Long-Run Growth? // American Economic Review. 2011, Vol.101. No: 3. P. 505.

⁴ Глэзер Э., Ла Порте Р., Лопес де Силанес Ф, Шлейфер А. Являются ли институты причиной экономического роста? // Эковест. 2006, 5, 2. С. 248–287.

⁵ Spaizer V., Ranganathan S., Mann R., Sumpter D. The Dynamics of Democracy, Development and Cultural Values. // PLoS ONE – June 2014 | Volume 9 | Issue 6 | e97856.

⁶ Oyserman D., Coon H. M., and Kemmelmeier M. Rethinking Individualism and Collectivism: Evaluation of Theoretical Assumptions and Meta-Analyses// Psychological Bulletin 2002, Vol. 128, No. 1, p. 44, 91.

⁷ Bond M.H. Reclaiming the Individual from Hofstede’s Ecological Analysis – A 20-Year Odyssey: Comment on Oyserman et al. (2002) // Psychological Bulletin. 2002, Vol. 128, No. 1. С. 8.

принимать не как отказ вообще от этой конструкции, но как поиск того, что стоит за этими конструктами, как поиск более конкретных и узких измерителей культуры.

Подобные показатели должны затрагивать природу человеческого поведения и относиться к фундаментальной проблеме экономики и общества, состоящей в сохранении жизнеспособного общества и в обеспечении устойчивого и стабильного развития экономики.

Многие ученые полагают, что такие измерители культуры непосредственно связаны с моралью и нравственностью человека.

В этом случае экономика прогрессивно развивается и функционирует не потому, что в обществе стимулируется высокий уровень индивидуализма и низкой дистанции власти, а потому, что подавляющее большинство ее индивидуумов и хозяйствующих агентов разделяют принципы общечеловеческой морали. Традиционная общечеловеческая мораль включает в себя в качестве высших ценностей совесть, честность, справедливость, национальные интересы, идеалы государственности, а также запрет на воровство, обман, нанесение вреда другим.

Соответственно торможение же экономического роста вызывают не высокие показатели коллективизма и высокой дистанцией власти, а склонность к аморальному поведению, проявляющаяся в воровстве, нечестности, в уклонении от напряженной работы, в нанесении материального и духовного ущерба другим индивидам и обществу⁸.

Таким образом, совершенно справедливым следует считать положение сторонников институциональной политической экономии Буайе, Бруссо и др., что контроль общества над экономикой и вообще над своей жизнеспособностью существенно связан не с оппозицией индивидуализм-коллективизм, а с противопоставлением традиционной здоровой морали и релятивистской морали в поведении индивидуумов и в национальной культуре⁹.

В 1970-х гг. Н. Джорджеску-Реген, а вслед за ним и О. Уильямсон формулируют и начинают активно использовать в экономическом анализе категорию оппортунистического поведения, которая развивает идею моральности поведения рыночных агентов.

У О. Уильямсона фундаментальные черты личности и, соответственно, измерители культуры связаны с традиционной, общечелове-

⁸ Саргина Л.В. Особенности функционирования виртуально-финансового капитала и его влияние на развитие мирового хозяйства // ЦИТИСЭ. 2016. № 5(9). С. 8.

⁹ Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии. Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 3.

ческой моралью. О. Уильямсон считает, что есть люди, характеризующиеся честностью, порядочностью в заключении и выполнении рыночных сделок. Такие люди не обманывают, не наносят ущерб другим и обществу. А на другом полюсе находятся индивиды со склонностью к оппортунизму, т.е. нечестности, воровству, мошенничеству, к антисоциальному поведению во вред обществу и отдельным членам ¹⁰.

Один полюс этой оппозиции хорошо измеряется такими показателями культуры из Всемирного исследования ценностей (WVS), как мораль (или обобщенная мораль), доверие, социальный капитал.

Доверие, как считают экономисты, — это важнейший нематериальный фактор поведения, опирается на взаимную ответственность и убежденность в честности партнера, уверенности в получении от другого человека правдивой, информации ¹¹. Доверие связано с уверенностью в том, что партнер не будет вести себя оппортунистически.

Категория социальный капитал обычно сводится к доверию. Кифер и Кнак расширяют понятие социального капитала, в которое они помимо доверия включают гражданское сотрудничество ¹². Такое расширение делает связь социального капитала с недопущением оппортунизма в экономическом поведении более зримой. Ведь оценка гражданского сотрудничества берется из следующих вопросов в WVS: 1) считает ли человек оправданным присвоение денег, которые он нашел и 2) будет ли человек уклоняться от уплаты налогов, если у него есть возможность. Здесь отчетливо видны главные черты оппортунизма.

Г. Табеллини в состав социального капитала включается уже 4 элемента: доверие, уважение, индивидуальный самоконтроль, послушание ¹³. Подобное расширение понятия социального капитала идет за счет углубленного понимания доверие. Послушание Табеллини также оценивает по вопросам из WVS и оно раскрывается у него через иерархию, власть, общественные интересы. Отсюда доверие оказывается формой власти. Но сама власть и общественные интересы всегда реализуются через определенные моральные принципы.

---

¹⁰ Уильямсон О. И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа. Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 39–49.

¹¹ Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. — М.: Московская школа политических исследований, 2002. С.129–147.

¹² Knach S. Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // The Quarterly Journal of Economics, November 1997, p.1251–1288.

¹³ Tabellini G. Institutions And Culture// Journal of the European Economic Association April-May 2008. Vol 6. No 2-3, p. 255–294.

Получается, что доверие есть амбивалентная моральная категория, тесно связанная с индивидуализмом, с одной стороны, и с другой – связанная с дистанцией власти и с коллективизмом.

Г. Хофстеде оставил за скобками моральный характер поведения, проявляющийся в обмане, нечестности, воровстве. Конструкция I-C лишена у него морального содержания, поэтому приобретает характер широкой категории.

В действительности индивидуализм, как и коллективизм может реализовываться на базе здоровой морали, которая исключает оппортунистическое поведение. В этом случае, индивидуализм и коллективизм приводят к увеличению инноваций и росту экономики. В случае, когда индивидуализм осуществляется на основе оппортунистической морали, он ведет к торможению развития экономики и порождает в ней рост коррупции и мошенничества.

Международная организация Transparency International изучила связь измерителей культуры Хофстеде с индексом восприятия коррупции CPI для 50 стран мира за 1998 г.

Таблица 1

**Корреляция между измерителями культуры Хофстеде
и индексом восприятия коррупции (CPI)¹⁴**

Страны	Индивидуализм	Дистанция власти	Маскулинность	Избегание неопределенности
CPI 50 стран	0,71	-0,70		-0,38
26 самых богатых стран с низким CPI	0,47	- 0,45	-0,33	-0,78

Индекс восприятия коррупции рассчитывается следующим образом. Самые низкие баллы получают страны с высоким уровнем коррупции, а высокий уровень индекса (максимум 10) соответствует почти полному отсутствию коррупции.

Из таблицы 1 видно, что страны с высоким уровнем ВВП и благосостояния имеют низкую коррупцию (высокий CPI). Страны более бедные и с низким ВВП имеют высокий уровень коррупции. Если брать 50 стран,

¹⁴ Hofstede, G. H. (2001). Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage. 2001. p. 517.

то у них окажется более высокий уровень коррупции (низкий CPI). Всего в 1998 г. на предмет уровня коррупции было обследовано 70 стран.

Получается, что в той и другой выборке уровень коррупции положительно связан с индивидуализмом. Правда, теснота связи разная. Для 50 стран теснота связи 0,71. Это означает, что индивидуализм включает в себя оппортунизм в качестве одного из главных компонентов. Группа из 20 стран с очень низким уровнем коррупции (высокий показатель CPI) также показывает достаточно тесную, хотя и меньшую корреляцию в 0,47. Такая связь подтверждает, что оппортунизм, т.е. оппортунистическая мораль (или отрицание традиционной морали, честности, доверия) включается в индивидуализм в качестве компонента, но роль его здесь весьма незначительна.

Положительная корреляция в обоих случаях означает, что с ростом ВВП растет степень индивидуализма и уменьшается коррупция. Однако утверждать на этой основе, что к уменьшению коррупции и оппортунистического поведения рыночных агентов в экономике привел рост индивидуализма в национальной культуре, было бы ошибочным. Коррупция уменьшается не потому, что растет показатель индивидуализма, а потому что усиливается степень моральности и честности в обществе. Эти духовные, этические ценности выступают решающим элементом в сокращении коррупции. Рост индивидуализма в этом случае действительно может происходить, но это особый тип индивидуализма, который реализуется на основе традиционной здоровой морали.

А. Алесина и П. Джулиано рассчитали корреляцию между обобщенной моралью, индивидуализмом и доверием по результатам пяти волн исследований в рамках WVS (табл. 2).

Таблица 2

Корреляция между характеристиками культуры¹⁵

	Обобщенная мораль	Индивидуализм	Доверие
Обобщенная мораль	1		
Индивидуализм	0,60	1	
Доверие	0,83	0,50	1

Анализ характеристик культуры показывает очень высокую тесноту связи между доверием и обобщенной моралью. Это указывает на оправданность рассмотрения доверия и обобщенной морали в качестве схожих понятий.

¹⁵ Алесина А., Джулиано П. Культура и институты. Часть 1 // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 100.

Связь между индивидуализмом и доверием весьма тесная, а именно 0,50. Это указывает на то, что обобщенная мораль выступает элементом индивидуализма. Таким образом, непосредственно показатель индивидуализма внутренне противоречив, неоднозначен. Сам по себе он не может являться причинным объяснением экономического функционирования и быть самым весомым фактором в прогрессивном развитии экономики. Скорее прав А. Фиске, который считает, что индивидуализм и коллективизм могут принимать разные формы, в которых отражается разное содержание¹⁶. Индивидуализм может оказаться формой поведения на базе здоровой морали, но может быть и формой оппортунистических ценностей. В этом последнем случае он выступает деструктивным фактором экономического роста.

Список литературы

1. Алесина А., Джулиано П. Культура и институты. Часть 1 // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 82–111.
2. Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии. Экономическая социология. 2008. т. 9. № 3. [Электронный ресурс] – URL: www.ecsoc.msses.ru.
3. Глэзер Э., Ла Порте Р., Лопес де Силанес Ф, Шлейфер А. Являются ли институты причиной экономического роста? // Эковест. 2006. 5, 2. С. 248–287.
4. Краснов В.Н., Саргина Л.В. Методологический индивидуализм в теоретических исследованиях рыночной экономики. Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2018. Т. 17, № 4. С. 88–97.
5. Саргина Л.В. Особенности функционирования виртуально-финансового капитала и его влияние на развитие мирового хозяйства // ЦИТИСЭ. 2016. № 5(9). С. 8.
6. Уильямсон О. И. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа. Thesis. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 39–49.
7. Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. 320 с.
8. Bond M.H. Reclaiming the Individual from Hofstede's Ecological Analysis – A 20-Year Odyssey: Comment on Oyserman et al. (2002) // Psychological Bulletin. 2002, Vol. 128, No. 1, 73–77.

¹⁶ Fiske A. Using Individualism and Collectivism to Compare Cultures— A Critique of the Validity and Measurement of the Constructs: Comment on Oyserman et al. (2002) // Psychological Bulletin 2002, Vol. 128, No. 1, p.79.

9. Fiske A. Using Individualism and Collectivism to Compare Cultures— A Critique of the Validity and Measurement of the Constructs: Comment on Oyserman et al. (2002) // *Psychological Bulletin* 2002, Vol. 128, No. 1, p.78–88.
10. Hofstede, G. H. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations* (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage. 2001. P. 517.
11. Gorodnichenko Y., Roland G. Which Dimensions of Culture Matter for Long-Run Growth? // *American Economic Review*. 2011, Vol.101. No: 3, p. 492–498.
12. Knach S, Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *The Quarterly Journal of Economics*, November 1997, p. 1251–1288.
13. Oyserman D., Coon H. M., and Kimmelmeier M. Rethinking Individualism and Collectivism: Evaluation of Theoretical Assumptions and Meta-Analyses// *Psychological Bulletin* 2002, Vol. 128, No. 1, p. 3–72.
14. Spaiser V., Ranganathan S., Mann R., Sumpter D. The Dynamics of Democracy, Development and Cultural Values // *PLoS ONE* – June 2014 | Volume 9 | Issue 6 | e97856.
15. Tabellini G. Institutions and Culture// *Journal of the European Economic Association* April-May 2008. Vol 6. No 2-3, p. 255–294.

References

1. Alesina A., Dzhuliano P. Kul'tura i instituty. Chast' 1 // *Voprosy ekonomiki*. 2016. № 10. S. 82–111.
2. Buaie R., Brusso E., Kaie A., Favro O. K sozdaniyu institutsional'noi politicheskoi ekonomii. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2008. t. 9. № 3. [Elektronnyi resurs] – URL: www.ecsoc.msses.ru.
3. Glezer E., La Porte R., Lopes de Silanes F, Shleifer A. Yavlyayutsya li instituty prichinoi ekonomicheskogo rosta? // *Ekovest*. 2006. 5, 2. S. 248–287.
4. Krasnov V.N., Sargina L.V. Metodologicheskii individualizm v teoreticheskikh issledovaniyakh rynochnoi ekonomiki. *Uchenye zapiski Rossiiskoi Akademii predprinimatel'stva*. 2018. T. 17, № 4. S. 88–97.
5. Sargina L.V. Osobennosti funktsionirovaniya virtual'no-finansovogo kapitala i ego vliyanie na razvitie mirovogo khozyaistva // *TsITISE*. 2016. № 5(9). S. 8.
6. Uil'yamson O. I. Povedencheskie predposylki sovremennogo ekonomicheskogo analiza. Thesis. 1993. T. 1. Vyp. 3. S. 39–49.
7. Fukuyama F. Sotsial'nyi kapital // *Kul'tura imeet znachenie*. Pod red. L. Kharrisona, S. Khantingtona. M.: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2002. 320 s.

8. Bond M.H. Reclaiming the Individual from Hofstede's Ecological Analysis— A 20-Year Odyssey: Comment on Oyserman et al. (2002) // *Psychological Bulletin*. 2002, Vol. 128, No. 1, 73–77.
9. Fiske A. Using Individualism and Collectivism to Compare Cultures— A Critique of the Validity and Measurement of the Constructs: Comment on Oyserman et al. (2002) // *Psychological Bulletin* 2002, Vol. 128, No. 1, p. 78–88.
10. Hofstede, G. H. (2001). *Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations* (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage. 2001. P. 517.
11. Gorodnichenko Y., Roland G. Which Dimensions of Culture Matter for Long-Run Growth? // *American Economic Review*. 2011, Vol.101. No: 3, p. 492–498.
12. Knach S, Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // *The Quarterly Journal of Economics*, November 1997, p. 1251–1288.
13. Oyserman D., Coon H. M., and Kimmelmeier M. Rethinking Individualism and Collectivism: Evaluation of Theoretical Assumptions and Meta-Analyses// *Psychological Bulletin* 2002, Vol. 128, No. 1, p. 3–72.
14. Spaiser V., Ranganathan S., Mann R., Sumpter D. The Dynamics of Democracy, Development and Cultural Values // *PLoS ONE* – June 2014 | Volume 9 | Issue 6 | e97856.
15. Tabellini G. Institutions and Culture// *Journal of the European Economic Association* April-May 2008. Vol 6. No 2-3, p. 255–294.